

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ ИЗ БССР В ПЕРИОД НЭПА

В. А. Йоцюс,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры
всеобщей истории и методики преподавания истории
УО «Белорусский государственный
педагогический университет имени Максима Танка»*

Вопрос сельскохозяйственного переселения, с целью уменьшения аграрной перенаселенности и равномерного распределения производственных сил в сельском хозяйстве, был одним из ключевых в политике большевиков. Уже в Декрете о земле, принятом на II Съезде Советов был пункт о переселении избыточного населения в многоземельные районы страны [10, с. 28]. Ряд последующих нормативно-правовых актов уточняли намерения по плановому переселению. Однако в первые годы советской власти, в силу объективных причин, реализовать на практике положения о переселении было не возможно.

Началу массового планового переселения предшествовал длительный период работы государственных органов, которая предусматривала землеустройство ранее прибывших переселенцев и подготовку колонизационного земельного фонда. Но, так как спрос на земли со стороны желающих переселиться опережал проведение подготовительных мероприятия, советское руководство стремилось не допускать самовольного переселения на восток страны [12, с. 48]. Земельным обществам на местах было запрещено принимать в свой состав переселенцев, количество которых с 1922 г. резко увеличилось. Земельные органы были не в силах его регулировать, ограничиваясь лишь регистрацией некоторых переселенцев и передачей сведений о них в Наркомзем [5, л. 18].

Не смотря на ограничительные меры в 1924 г., по СССР насчитывалось почти 80 % самовольных переселенцев от общего числа, что нарушало разработку планов переселения и землеустройства. Поэтому правительство вынужденно было пойти навстречу растущему потоку желающих переселиться, ввести переселение в рамки закона и открыть плановое переселение в Поволжье.

Население данного региона сильно пострадало от голода 1921–1922 г. Часть его жителей была вынуждена покинуть свои земли, а около 20 % погибло. В итоге в Поволжье насчитывалось около 2 млн. десятин пустующих земель [7, л. 135]. Освоить эти земли силами местного населения было сложно. Поэтому приток пришлого населения являлся единственным способом вовлечения пустующих земель в сельскохозяйственный оборот.

Одними из первых официальных переселенцев в Поволжье стали жители белорусских губерний. Витебское земельное управление в 1923 г. отправило в Поволжье экспедиционную комиссию для выявления удобных для переселения земель и условий хозяйствования. В ходе переговоров было получено согласие Самарского губернского земельного управления на выделение в 1924 г. 31073 десятин запасного фонда в Дмитриевской волости Самарского уезда, и 10 тыс. десятин в Болаковском уезде Самарской губернии [2, л.145; 1, л. 75 об.]. Саратовское губземуправление выделило переселенцам 6 тысяч десятин из фонда Ново-Узинского уезда.

План переселения на 1000 дворов из Витебской губернии был одобрен ВЦИК, а в марте 1924 г. ВЦИК СССР дополнительно разрешил переселение 5000 тыс. человек, в основном, из Гомельской губернии в Поволжье [7, л. 136].

С февраля 1924 г. началась отправка представителей от желающих переселиться – так называемых ходоков, с целью осмотра и закрепления земли. Необходимо отметить, что время для посылки ходоков было выбрано не удачно, так как прибывшие ходоки под снегом не могли судить ни о качестве земли, ни об условиях ведения хозяйства. Их представление о наделах основывалось в основном на сведениях, полученных от местных жителей. Но, несмотря на это, вернувшиеся ходоки подали заявки на переселенческий фонд Самарской губернии от 796 дворов (6691 человек) на площадь в 21 360 десятин [7, л. 18 об.].

В апреле 1924 г. началось само переселение. Всего за 1923–1924 гг. из Белорусских губерний в Саратовскую и Самарскую губернии РСФСР выехало около 8980 человек [9, л. 220].

Посланная в Поволжье проверка выяснила серьезные недостатки в постановке переселенческого дела. Выяснилось, что контингент переселенцев – не сильные хозяйства, как предполагалось планом переселения, а бедняки и середняки, которые для того, чтобы выдержать минимум хозяйственной обеспеченности, объединялись на местах по несколько семей в один двор (средняя численность 9 человек на двор во многих случаях повышалась до 28–30) [7, л. 137]. В результате сложилась очень тяжелая ситуация. 39,5 десятин земли на двор с 30 едоками не могли обеспечить нормальные условия хозяйствования. Кроме того, не приспособленные к природно-климатическим особенностям Поволжья хозяйства, оказались на грани разорения. Ситуацию усугубил неурожай 1924 г. и частичный падеж скота. Появилась тяга к обратному переселению в БССР. Местные власти, из-за

отсутствия специальных переселенческих денежных фондов, не могли оказать переселенцам серьезной материальной помощи.

Стремясь нормализовать ситуацию, Управление мелиорации и земледелия НКЗ БССР просило ЦИК Беларуси ходатайствовать перед ЦИК РСФСР об оказании денежной помощи и выдачи долгосрочного кредита переселенцам Самарской губернии. Совнарком РСФСР пошел на встречу нуждающимся и выдал Наркомзему РСФСР 80 000 рублей из резервного фонда СНК РСФСР, в виде ссуды. Дополнительную помощь, в размере 54 000 рублей, оказала Комиссия по борьбе с неурожаем при СНК СССР, в виде возвратной ссуды на срок до 3-х лет для приобретения рабочего скота [4, л. 283].

Возникшие проблемы показали неспособность местных земельных органов на высоком уровне организовывать переселение. Формальный контроль над соблюдением установленных правилами имущественного обеспечения переселенцев и численности едоков в хозяйствах, разработка планов переселения без учета природно-климатических особенностей регионов вселения, неудачное время посылки ходяков и т. д. привели к тому, что переселенцы из БССР оказались в очень сложном положении. Однако, необходимо отметить, что руководство республики сделало выводы и в дальнейшем при выборе мест вселения и составления разнарядок на переселение стремилось выбирать те регионы, которые по своим природно-климатическим особенностям и хозяйственным традициям максимально соответствовали условиям в БССР. И, уже со следующего хозяйственного года переселение в Поволжье из БССР практически не проводилось.

Вместе с тем, в БССР тяга к переселению в середине 1920-х гг. была очень велика.

Важным шагом в развитии переселенческой политики стало постановление Совета Труда и Оборона от 17 октября 1924 г. «О ближайших задачах колонизации и переселения». Важность этого правового акта заключалась в том, что он впервые обозначил основные задачи советской переселенческой политики – «вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции страны путем рационального как с точки зрения общегосударственных, так и местных интересов» [11, с. 18–20]. 17 октября 1924 г. при ЦИК СССР был создан Центральный колонизационный комитет, который осуществлял руководство переселением в рамках Союза. Позднее он был реорганизован во Всесоюзный переселенческий комитет при ЦИК СССР [12, с. 70]. В функции ВПК входили: общее руководство переселенческой политикой СССР, согласование и координация переселенческих мероприятий союзных республик; составление общесоюзного плана на основе перспективных и годовых планов союзных республик; составление общесоюзной сметы по переселению; выступление с законодательными инициативами по переселенческим вопросам; контроль за выполнением плана переселений [22, с. 55–58].

Итогом подготовительной работы по открытию планового массового переселения стал Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 6 июля 1925 г. «Об открытии планового переселения в Поволжье, Сибирь и Дальний Восток» [11, с. 35].

Для реализации данного документа в БССР был разработан 10 – летний перспективный план по переселению за пределы БССР. Согласно плану переселению в другие регионы СССР с 1926 – по 1936 гг. подлежало 690 тыс. человек. Однако, учитывая предоставляемый республике переселенческий фонд Народный комиссариат земледелия БССР, в течение 10 лет, запланировал к переселению только 690000 человек [3, л. 199].

Население республики активно отреагировало на открытие массового переселения. С 1924 г. по 1928 г. желание переселиться выразило 338 400 человек. Однако в БССР ситуацию для желающих переселиться усложнял тот факт, что Всесоюзный переселенческий комитет выделял республике только 15 % всеобщих переселенческих фондов, что позволяло наделить землей только 25–30 % переселенцев [8, л. 17].

Масштабы переселения в 1924–1928 гг. выглядели следующим образом: 1924–1925 г. – 4546 чел., 1925–1926 г. – 15.347 чел., 1926–1927 г. – 23.898 чел. г. 1927–1928 г. – 28.271 чел. [9, л. 220].

После XV съезда ВКП(б), проходившего в декабре 1927 г., наметились определенные изменения в переселенческой политике Советского государства. В своей Резолюции Съезд поставил в качестве основной задачи объединение и преобразование мелких индивидуальных хозяйств в крупные сельскохозяйственные коллективы. С этого момента начинают меняться организационные формы переселенческого дела. 18 января 1928 г. ЦИК и СНК СССР издали постановление «О задачах переселения, его организации, основах составления планов и о порядке финансирования переселенческих мероприятий». Согласно документу, преимущество по переселению и получению государственной помощи получали колхозы [12, с. 91]. Окончательный переход от индивидуального переселения к коллективному был законодательно закреплен в «Общих началах землепользования и землеустройства», утвержденных постановлением ЦИК СССР от 15 декабря 1928 г. [13, Ст. 642]. Поэтому с 1929–1930 г. поток переселенцев начинает сокращаться. Динамику переселения в первые годы коллективизации отражают следующие цифры: 1928–1929 г. – 56900 чел., 1929–1930 г. – 8000 чел., 1930–1931 г. – 1000 чел. [6, л. 19].

Таким образом, сельскохозяйственная переселенческая политика в БССР в начальный период НЭПа характеризовалась стремлением государства сдерживать растущий поток самовольных переселенцев с целью

подготовки новых колонизационных фондов. Период 1924–1930 гг., отмечен массовым переселением крестьян из БССР в восточные регионы СССР. Главная цель – ослабить аграрную перенаселенность в республике. Особенностью данного этапа является преобладание индивидуальных хозяйств в переселенческих контингентах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Государственный архив витебской области (ГАВО). – Ф. 14. Оп. 1. Д. 216.
2. Государственный архив витебской области (ГАВО). – Фонд 14. Оп. 1. Д. 1318.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 6. Оп. 1. Д. 1450. Л. 381.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 7. Оп. 1. Д. 77. Л. 406.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 7. Оп. 1. Д. Л. 266.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 44. Оп. 1. Д. 2393 Л. 23.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 48. Оп. 1. Д. 2571.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 48. Оп. 1. Д. 3625.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 48. Оп. 1. Д. 4045.
10. Первые декреты Советской власти. Сборник факсимильно воспроизведенных документов. – М. : «Книга», 1987 г. – 335 с.
11. Переселенческое дело : Сборник декретов и распоряжений по переселению / Нар. ком. зем. РСФСР. Отд. переселений и колонизации; Под ред. [и с предисл.] М. А. Большакова. – М. : тип. ОГПУ, 1927. – 360.
12. Платунов, Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.) / Н. И. Платунов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. – 283 с.
13. Постановление ЦИК СССР от 15 декабря 1928 г. «Общие начала землепользования и землеустройства» // СЗ СССР. 1928. № 69. Ст. 642.

КАЗАЧЕСКО-КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ КРИШТОФА КОСИНСКОГО НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

В. Н. Кадира,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов

УО «Белорусский государственный педагогический

университет имени Максима Танка»

Важным фактором подъема антифеодальной борьбы в Украине была активизация казачества в конце XVI в. Уже в конце 80-х годов XVI в. казаки стали организующей силой по объединению разрозненных крестьянских групп в боевые отряды, которые уходили в Запорожскую Сечь, а затем возвращались в родные места для разжигания борьбы против феодалов.

Отдельные, разрозненные выступления угнетаемого шляхтой населения городов и сел Украины вскоре переросли в антифеодальные народные восстания.

Поводом к одному из первых крупных восстаний стали противоречия между мелкопоместной шляхтой и магнатами. Последние пытались увеличить свои земельные владения не только за счет крестьянских наделов, но и за счет земель шляхты. Согласно сеймовой конституции 1790 г. гетман реестрового казачества Криштоф Косинский получил королевскую грамоту на урочище Ракитно [1], на которое стал претендовать киевский воевода и сенатор князь Константин Острожский.

Казачье восстание под предводительством К. Косинского началось 19 декабря 1591 г. с нападения отряда реестрового и низового (запорожского) казачества на замок в Белой Церкви, которым владел староста, сын Константина Острожского, Януш [2].

Выдвинутый в глубь степей замок в Белой Церкви был одним из важнейших форпостов Речи Посполитой в Восточной Украине. Он помогал феодалам и королевской администрации держать в повиновении окружающее население, препятствовать бегству крестьян и мещан в Запорожскую Сечь и преграждать дорогу татарам.

Со времени подавления вооруженного выступления белоцерковских мещан прошел только год, и положение в городе оставалось напряженным. Когда отряд К. Косинского подошел к Белой Церкви, мещане поддержали казаков. Замок был взят. Восставшие захватили артиллерию, боеприпасы и разное имущество. В руках повстанцев оказались Триполье и Переяслав (на левом берегу Днепра) [3].